

УДК 347.6:94(575.2)
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-11-75-82

**О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ
СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

Н.П. Пригода

Аннотация. Рассмотрены отдельные тенденции развития семейного законодательства Кыргызской Республики в постсоветский период его развития, начиная с момента провозглашения государственного суверенитета. Проведен комплексный анализ эволюции нормативной базы, регулирующей семейные отношения, анализируются причины и правовые основания, послужившие основой реформирования Семейного кодекса. Выявлены тенденции к публикации семейного права, усилению гарантий защиты прав женщин и детей и гендерного равенства, а также постепенной интеграции международных правовых стандартов в национальное законодательство. Показана связь тенденций развития семейного права с другими отраслями права (уголовного, трудового). Сделан акцент на сопоставлении советских и современных подходов, что позволяет проследить динамику изменений и их социальные последствия. Определены направления дальнейшего совершенствования правового регулирования семейных отношений.

Ключевые слова: Семейный кодекс; семейные отношения; семья; семейное законодательство; гендерное равенство в семейных отношениях; равенство супругов.

**КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН СОВЕТТИК
МЕЗГИЛДЕН КИЙИНКИ ҮЙ-БҮЛӨ МЫЙЗАМДАРЫНЫН
КЭЭ БИР ӨНҮГҮҮ ТЕНДЕНЦИЯЛАРЫ ЖӨНҮНДӨ**

Н.П. Пригода

Аннотация. Кыргыз Республикасынын үй-бүлөлүк мыйзамдарын анын өнүгүүсүнүн постсоветтик мезгилинде мамлекеттик суверенитет жарыяланган учурдан тартып өнүктүрүүнүн айрым тенденциялары каралат. Үй-бүлөлүк мамилелерди жөнгө салуучу ченемдик укуктук базанын эволюциясына комплекстүү талдоо жүргүзүлүп, үй-бүлө кодексин реформалоого негиз болгон себептер жана укуктук негиздер талданат. Үй-бүлөлүк укукту жарыялоо, аялдардын жана балдардын укуктарын жана гендердик теңчиликте коргоонун кепилдиктерин күчөтүү, ошондой эле эл аралык укуктук стандарттарды улуттук мыйзамдарга акырындык менен интеграциялоо тенденциялары аныкталды. Үй-бүлөлүк укуктун өнүгүү тенденциялары менен укуктун башка тармактарынын (кылмыш, эмгек) ортосундагы байланыш көрсөтүлгөн. Өзгөртүүлөрдүн динамикасын жана алардын социалдык кесепеттерин байкоого мүмкүндүк берүүчү советтик жана заманбап ыкмаларды салыштырууга басым жасалат. Үй-бүлөлүк мамилелерди укуктук жөнгө салууну мындан ары өркүндөтүү багыттары аныкталды.

Түйүндүү сөздөр: Үй-бүлө кодекси; үй-бүлөлүк мамилелер; үй-бүлө; үй-бүлө мыйзамдары; үй-бүлөлүк мамилелерде гендердик теңчилик; жубайлардын тең укуктуулугу.

ON CERTAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF FAMILY LAW IN THE KYRGYZ REPUBLIC IN THE POST-SOVIET PERIOD

N.P. Prigoda

Abstract. The article examines certain trends in the development of family law in the Kyrgyz Republic in the post-Soviet period, beginning with the proclamation of state sovereignty. A comprehensive analysis of the evolution of the regulatory framework governing family relations is conducted, and the reasons and legal grounds that served as the basis for the reform of the Family Code are analyzed. The article identifies trends toward the publicization of family law, the strengthening of guarantees for the protection of women's and children's rights and gender equality, and the gradual integration of international legal standards into national legislation. The connection between trends in the development of family law and other branches of law (criminal, labor) is shown. Emphasis is placed on comparing Soviet and modern approaches, which allows us to trace the dynamics of changes and their social consequences. Directions for further improvement of the legal regulation of family relations are identified.

Keywords: Family Code; family relations; family; family law; gender equality in family relations; equality of spouses.

Двадцать два года действия нормативного правового акта – это срок, позволяющий оценить его эффективность, выявить имеющиеся пробелы и коллизии, увидеть тенденции и перспективы дальнейшего воздействия на общественные отношения. Вместе с тем результаты оценки этой эффективности могут быть положены в основу выработки направлений совершенствования этого нормативного правового акта как деятельности, актуальность которой не подлежит сомнению. Это связано с тем, что при применении закона или подзаконного акта нередко могут быть обнаружены внутренние противоречия и пробелы, своевременно не устраненные несоответствия с другими законами, юридико-технические погрешности и др. [1]. Выявление тенденций развития – это один из шагов, позволяющий осознать направления такого совершенствования. Тем более это справедливо в отношении кодифицированного акта, регулирующего важнейшие имущественные и личные отношения – отношения, складывающиеся в семье между ее членами.

В рамках настоящей статьи предпринята попытка наметить лишь отдельные тенденции, обозначить крупными мазками тот вектор развития, который прошло семейное законодательство Кыргызстана после обретения им

независимости, включая не только двадцатилетний период действия самого Семейного кодекса (далее – СК), но и годы между прекращением правосубъектности советского государства и принятием СК. Тенденции развития отдельных семейно-правовых институтов, таких как институт алиментирования, устройства детей, оставшихся без попечения родителей, вопросов собственности супругов и др., остались за пределами предмета исследования настоящей статьи.

Доставшееся Кыргызстану в наследие от советской эпохи семейное законодательство достаточно долго сохраняло свое действие на территории страны. Невозможно было в одночасье признать утратившими силу все кодифицированные и некодифицированные акты законодательства, поскольку ежедневная жизнь со складывающимися в ней общественными отношениями требовала постоянного регулирования, а права граждан – охраны и защиты. Но при этом была очевидной необходимость создания новых нормативных правовых актов в ставшем суверенным государстве.

Таким образом, перед вновь созданными представительными органами власти была поставлена задача реформирования всех отраслей законодательства, как частного, так и публично-го. Необходимо было создать правовые нормы,

способные не просто адекватно регулировать уже сложившиеся, ставшие в течение многих десятилетий стабильными общественные отношения, но и стимулировать развитие рыночной экономики, которое не могло не отразиться на всех институтах, даже таких прочных и незыблемых как семья. Кроме того, эти нормы должны были в полной мере соответствовать тем международным обязательствам, которые налагали на молодую Кыргызскую Республику (далее – КР) международные договоры и ее участие в международных организациях. Поскольку задачи стояли масштабные, они были приоритизированы. Так, в числе первых в суверенном государстве был разработан Гражданский кодекс, но и он принимался по частям. Далее в действие введены были Уголовный, Трудовой, Земельный и процессуальные кодексы. Семейное законодательство в череде отраслей, подвергшихся реформированию, оказалось в числе последних. До Семейного кодекса “очередь дошла” лишь в 2003 году, и путем его принятия [2] действовавший ранее Кодекс о браке и семье Кыргызской ССР 1969 года, за исключением раздела V “Акты гражданского состояния”, был признан утратившим силу. Этот раздел действовал вплоть до 2005 года, когда был принят Закон КР “Об актах гражданского состояния” [3].

Принятие СК стало важнейшим этапом формирования семейного законодательства, состав которого был определен в его ст. 4. Изначально было установлено, что “семейное законодательство состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним других законов”. При этом ч. 2 ст. 4 предусматривала, что “на основании и во исполнение настоящего Кодекса, других законов, указов Президента Кыргызской Республики Правительство Кыргызской Республики вправе принимать нормативные акты в случаях, непосредственно предусмотренных настоящим Кодексом, другими законами, указами Президента Кыргызской Республики”. Далее – в 2008 году произошло расширение понятия “семейное законодательство”, и в его состав был включен Кодекс Кыргызской Республики о детях [4]. Таким образом, из СК были исключены формы и порядок устройства в семью детей, оставшихся без попечения родителей.

Что касается вопросов регистрации актов гражданского состояния, традиционно входивших в предмет семейного права советского периода, то они окончательно были исключены из него лишь в 2005 году, когда был принят Закон КР “Об актах гражданского состояния”. С момента принятия СК и до вступления в действие указанного Закона в силу, раздел V Кодекса о браке и семье Кыргызской ССР “Акты гражданского состояния” продолжал действовать.

Исключение вопросов регистрации актов гражданского состояния из предмета семейного права связано, прежде всего, с тем, что это – публично-правовая деятельность государства, которая в условиях усиления тенденций частно-правового регулирования семейных отношений не соответствовала “духу” частного права, и поэтому она “перекочевала” в отрасли публичного права.

Таким образом, можно констатировать тенденцию к сужению предмета регулирования самого Семейного кодекса с одновременным включением в состав семейного законодательства Кодекса о детях. К слову, попытка законодателя частично изменить предмет семейно-правового регулирования характерна не только для Кыргызстана, но и для других стран постсоветского пространства, что позволило обозначить ее в качестве тенденции развития семейного законодательства государств-участников СНГ [5].

В настоящее время СК КР устанавливает условия и порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи: супругами, родителями и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами. В свою очередь, Кодекс КР о детях устанавливает основные гарантии прав и законных интересов детей, предусмотренных Конституцией КР, направлен на обеспечение государством уровня жизни, необходимого для физического, умственного, нравственного, духовного и социального развития детей, защиты и проявления особой заботы в отношении детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Кодекс

о детях, таким образом, ставит своей целью защиту гражданских, политических, экономических, социальных, культурных и иных прав, интересов и свобод детей, а также обеспечение защиты детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Его задачами являются установление принципов и мер по защите детей, формирование гарантийных основ прав ребенка, функционирование соответствующих органов и организаций по защите детей, определение компетенции государственных органов и органов местного самоуправления в области обеспечения прав и интересов детей и порядок их взаимодействия.

Таким образом, Кодекс о детях включает в себя в большей степени публично-правовые начала, компетенцию органов, направлен на охрану публично-правовых интересов.

В качестве еще одной тенденции развития семейного законодательства, на которую представляется целесообразным обратить внимание в рамках настоящей статьи, является изначально наметившаяся тенденция к укреплению принципа гендерного равенства в семейных отношениях. Как отмечается в литературе, нормы о гендерном равенстве включены в статьи семейного законодательства тех республик, в которых “длительное время существовало исторически сложившееся несправедливое отношение к женщине” [6].

Этот принцип получил свое развитие в Кыргызстане после присоединения в 1996 году к Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [7], которая в ст. 2 налагает на государства-участники обязанность включить принцип равноправия мужчин и женщин в свои национальные конституции или другое соответствующее законодательство, если это еще не было сделано, и обеспечить с помощью закона и других соответствующих средств практическое осуществление этого принципа [8].

Постепенно пронизывая отрасли национального законодательства в разных сферах, принцип гендерного равенства был вплетен в ткань семейного законодательства сразу – с момента принятия СК в 2003 году. Этот принцип, хотя и не был предусмотрен в ч. 3 ст. 1 СК, тем

не менее, в качестве самостоятельного он был прописан в ст. 3 СК, которая, ссылаясь на Конституцию КР, устанавливает гендерное равенство в семейных отношениях. Изначально эта норма провозглашала лишь равенство прав (личных и имущественных). В 2008 году содержание категории гендерного равенства в семейных отношениях было дополнено равенством не только прав, но и возможностей, что соответствовало действовавшему в то время Закону “Об основах государственных гарантий обеспечения гендерного равенства”. Вскоре этот Закон был признан утратившим силу в связи с принятием нового Закона “О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин” от 4 августа 2008 года № 184 [9]. Далее – в 2012 году законодатель еще более расширил содержание категории гендерного равенства, дополнив его равными возможностями для их реализации. Это уже в большей степени стало созвучным содержанию конституционной нормы ч. 4 ст. 13 Конституции КР в редакции 2007 года, ч. 4 ст. 16 Конституции КР 2010 года, установившей, что “в Кыргызской Республике мужчины и женщины имеют равные права и свободы, равные возможности для их реализации”. В такой же редакции эта норма вошла в ч. 3 ст. 24 Конституции КР 2021 года [10]. Таким образом, Семейный кодекс можно в этой части считать соответствующим Основному закону.

Следует отметить, что изменения семейного законодательства коснулись не только и не столько формулировки самого принципа гендерного равенства в части его содержания, сколько его отражения в отдельных институтах семейного права (в частности, института брака, установления происхождения детей и алиментов). Это было обусловлено сложившейся практикой заключения брака, допускавшей многочисленные нарушения прав женщин, и даже девочек, браки с которыми априори не должны заключаться, в возможности выбора брачного партнера, а также соблюдения требований о брачном возрасте.

Поскольку ч. 1 ст. 26 Конституции КР провозглашает, что “брак не допускается без согласия двух лиц, вступающих в брак”, а взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного

возраста” лежит в основе семьи, можно сделать вывод о том, что государство придает этим условиям принципиальное, конститутивное значение, возводя наличие свободного волеизъявления в ранг конституционных положений. Вслед за нормой Основного закона, СК определяет добровольное согласие мужчины и женщины в качестве условий заключения брака (ст. 13), ставя его отсутствие в качестве условий признания брака недействительным. Следует отметить, что этот принцип – принцип добровольности брака – впервые появился в ч. 5 ст. 36 Конституции КР 2010 года, тогда как в Конституции 1993 года о нем не говорилось.

Кроме того, принцип добровольности поддерживается и уголовным законодательством, которым установлена ответственность за преступления против уклада семейных отношений и интересов детей, в числе которых похищение лица с целью вступления в брак, фактические брачные отношения, принуждение лица к вступлению в брак, к продолжению брака, заключенного принудительно, или принуждение лица к вступлению в сожитительство без заключения брака, или принуждение к продолжению такого сожитительства, а равно воспрепятствование лицу вступлению в брак.

Вопросы выбора брачного партнера в Кыргызской Республике – это не просто вопросы теоретического или законодательного характера. Имеющие место многочисленные примеры принуждения к вступлению в брак, а зачастую и сочетанные с похищением, переводят их в разряд острых, имеющих практическое значение социальных и юридических проблем. При этом правоприменительная практика милиции, прокуратуры и судов явно отстает от реальности, поскольку “львиная доля” этих нарушений не попадает в сводки правовой статистики или “растворяется” в уголовно-процессуальных институтах примирения и отказа в возбуждении уголовного дела.

В пользу обозначения тенденции укрепления гендерного равенства в семейных отношениях говорит и тот факт, что принцип добровольности брачного союза не просто прописан в качестве принципа и встроен в дефиницию брака, но и то, что равенство реализовано

в отдельных нормах. Так, к примеру, возможность снижения брачного возраста при наличии уважительных причин распространяется как на жениха, так и на невесту (ч. 2 ст. 14). К слову, такая норма не всегда присутствовала в семейном законодательстве. В период действия Кодекса о браке и семье, а также некоторые годы действия Семейного кодекса брачный возраст мог быть снижен только для женщин.

Еще одним аргументом в пользу укрепления принципа гендерного равенства является дополнение в 2016 году ст. 14 СК частью 3, согласно которой лица, виновные в нарушении требований о брачном возрасте, несут ответственность в соответствии с законодательством Кыргызской Республики. Такая ответственность была установлена этим же Законом [11] в Уголовном кодексе КР (далее – УК). Буквальное толкование статьи не позволяет очевидно увидеть ее гендерно-направленный смысл, тогда как функциональное и системное толкование, анализ практики явно свидетельствуют о том, что законодатель стремился оградить от ранних браков именно девочек. Причем эти “браки” нельзя назвать таковыми с точки зрения закона, поскольку зарегистрировать их официально невозможно без снижения брачного возраста. Таким образом, равные возможности для вступления в брак относительно возраста были подкреплены нормами СК и УК. Следует отметить, что это послужило причиной снижения числа ранних браков и как следствие ранних родов – единственного более или менее достоверного индикатора распространенности этого явления [12].

Однако при всех достижениях, которые последовали после внедрения принципа равенства женщин и мужчин, приходится признать, что в целом эффективность борьбы с гендерной дискриминацией и гендерным насилием еще низкая, на что обращено внимание в литературе [13].

Гендерное равенство в семейных отношениях – это не только принцип, направленный на защиту женщин. Очевидно, что он касается и мужчин. Этому можно найти примеры в СК – в вопросах брака и в вопросах установления происхождения детей, их воспитания и содержания, в вопросах алиментирования.

Так, к примеру, семейное законодательство всегда устанавливало ограничения для мужчин в их праве на расторжение брака с беременной женой и в течение года после рождения ребенка без ее согласия. Эту норму содержал и КоБС 1969 года (ст. 39), и СК КР с момента его принятия (ст. 18). Лишь в 2012 году в СК были внесены изменения, которые оставили ограничения мужа в праве на развод только при условии, если ребенок – общий. Это свидетельствует о том, что законодатель сделал шаг к установлению равенства обоих супругов.

Еще одной иллюстрацией тенденции к установлению равенства прав женщин и мужчин в семейном законодательстве стала ст. 52 СК, которая определяет порядок установления отцовства в суде по иску женщины, не состоящей в браке. В 2012 году она была дополнена частью 2, ограничивающей право женщины, не состоящей в браке и давшей согласие на искусственное оплодотворение, а также право суррогатной матери обращаться в суд с требованием об установлении отцовства к мужчине, явившемуся донором половых клеток, которые применялись при использовании вспомогательных репродуктивных технологий [14]. Таким образом, законом было установлено препятствие записывать в качестве отцов мужчин, которые выступают в качестве донора половых клеток, против их воли.

Также принцип гендерного равенства был реализован в институте алиментирования, когда законом была установлена равная обязанность как женщин, так и мужчин, уплачивать алименты своему супругу/супруге (бывшему супругу/супруге), который/которая осуществляет уход за общим ребенком до достижения им возраста трех лет (ст. 94, 95). До 2012 года эта обязанность была закреплена лишь за мужем/бывшим мужем, а жена/бывшая жена могла требовать содержания как в период беременности, так и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка в случае отказа мужа/бывшего мужа от материальной поддержки. Это изменение созвучно коррелирует с нормой ст. 80 недавно принятого Трудового кодекса КР (далее – ТК) [15], согласно которой отпуск по уходу за ребенком может быть предоставлен не только женщине – матери

ребенка, но и мужчине – его отцу. К слову, ТК позволяет и другим родственникам, независимо от пола, оформить отпуск по уходу за ребенком. По ранее действовавшему ТК 1997 года мужчина мог воспользоваться правом на такой отпуск лишь в исключительных случаях – в случае смерти матери, лишения ее родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и в других случаях отсутствия материнской опеки (ст. 205 ТК 1997 года). Таким образом, как на уровне семейного, так и на уровне трудового законодательства, уход за ребенком перестал быть прерогативой матери. Это полностью соответствует норме ч. 2 ст. 23 Конституции КР, согласно которой забота о детях, их воспитание в равной мере являются правом и обязанностью как отца, так и матери, а также ч. 3 ст. 27, устанавливающей, что ответственность за обеспечение необходимых для развития ребенка условий жизни возлагается на каждого из родителей.

Однако, несмотря на имеющиеся достижения в части укрепления принципа гендерного равенства, следует признать наметившуюся тенденцию снижения его влияния, обоснованную необходимостью охраны моральных и нравственных ценностей, общественного сознания народа КР. Об этом свидетельствует Решение Конституционного суда КР от 9 ноября 2023 г. по так называемому “делу о матчестве” [16]. К слову, в литературе отмечено, что базовый источник семейного законодательства – Семейный кодекс (речь конкретно идет о СК Российской Федерации) “в целом ориентирован на решение задачи сохранения традиционной семейной организации и может считаться нормативной основой для ее дальнейшего развития. Легализация процессов так называемой “трансформации семьи” способна оказать негативное влияние на институт семьи, на деле ведет к юридической деформации этой категории” [1].

Обозначив лишь некоторые тенденции развития семейного законодательства КР в постсоветский период, можно утверждать, что в целом имеет место публикация этого семейного законодательства, усиливается роль государства как регулятора семейных отношений. К слову, это характерно не только для Кыргызстана, но и других стран СНГ, на что обращалось

внимание в литературе [17]. Можно процитировать слова А.Н. Левушкина о том, что “имеет место формирование конструктивной и эффективной системы взаимодействия методов публично-правового и частно-правового регулирования семейных отношений”, а усиление публичных начал проявляется в том, что государство постоянно расширяет сферу своего вмешательства в частноправовую сферу семейных отношений в целях выполнения функции защиты прав гражданина и обеспечения его частных интересов в семейно-правовой сфере [18].

Таким образом, даже беглый взгляд на семейное законодательство Кыргызстана постсоветского периода позволяет утверждать, что его развитие продолжается. Это естественный процесс в условиях стремительно меняющегося мира, трансформации социокультурных отношений. Как отмечено в литературе, “сохранить институты брака, материнства, детства неизменными не представляется возможным... изолироваться от подобных изменений на данном этапе означает изолироваться от всего мира” [19]. Важно, чтобы эти изменения были направлены на укрепление защиты интересов ребенка, обеспечение защиты прав участников семейных отношений, охрану традиционных семейных ценностей. Есть основания полагать, что они войдут в нормы нового Семейного кодекса, принятие которого в ближайшем будущем планируется в Кыргызской Республике. Хочется надеяться, что с его принятием будут не только усиливаться наметившиеся позитивные тенденции, но и соблюдены обязательства государства в сфере защиты прав человека, международных стандартов, приверженность в обеспечении которых выразила Кыргызская Республика.

Поступила: 14.08.2025;

рецензирована: 28.08.2025; принята: 01.09.2025.

Литература

1. Косова О.Ю. О концептуальной основе развития российского семейного законодательства / О.Ю. Косова // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5(78). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontseptualnoy-osnove-razvitiya-rossiyskogo-semeynogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 17.08.2025).
2. Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30 августа 2003 года № 201. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1327/edition/1163855/ru> (дата обращения: 17.08.2025).
3. Закон Кыргызской Республики “Об актах гражданского состояния” от 12 апреля 2005 года № 60 (утратил силу Законом от 1 августа 2020 года № 110). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1655/edition/1023669/ru> (дата обращения: 24.08.2025).
4. Закон Кыргызской Республики “О внесении изменений и дополнений в Семейный кодекс Кыргызской Республики” от 12 июня 2008 года № 117. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/202327/edition/465464/ru> (дата обращения: 17.08.2025).
5. Левушкин А.Н. Тенденции развития и пути реформирования семейного законодательства Российской Федерации и других государств-участников СНГ на современном этапе развития брачно-семейных отношений / А.Н. Левушкин // Актуальные проблемы развития гражданского права и гражданского процесса на современном этапе: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. 2016. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29030435_23103616.pdf (дата обращения: 17.08.2025).
6. Саенко Л.В. Основные положения семейного законодательства стран-участниц СНГ: опыт сравнительного правоведения / Л.В. Саенко // Вестник ПАГС. 2015. № 1 (46). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-polozheniya-semeynogo-zakonodatelstva-stran-uchastnits-sng-opyt-sravnitelnogo-pravovedeniya> (дата обращения: 17.08.2025).
7. Постановления ЗС Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 25 января 1996 года З № 320-1 и СНП Жогорку Кенеша Кыргызской Республики от 6 марта 1996 года П № 257-1. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/17533/edition/297585/ru> (дата обращения: 17.08.2025).
8. Конвенция “О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин” от 18 декабря 1979 года. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/17533/edition/297585/ru> (дата обращения: 17.08.2025).

9. Закон Кыргызской Республики “О государственных гарантиях равных прав и равных возможностей для мужчин и женщин” от 4 августа 2008 г. № 184. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/202398/edition/382698/ru> (дата обращения: 15.08.2025).
10. Конституция Кыргызской Республики, принятая референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 года. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru> (дата обращения: 17.08.2025).
11. Закон Кыргызской Республики “О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в Семейный кодекс Кыргызской Республики, Уголовный кодекс Кыргызской Республики)” от 17 ноября 2016 года № 179. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/111458/edition/856741/ru> (дата обращения: 15.08.2025).
12. Женщины и мужчины Кыргызской Республики: 2019–2023: стат. сб. Бишкек, 2024. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/31330217-aae2-48b8-acef-23e847e3c7ca.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).
13. Куланбаева З.А. Некоторые вопросы борьбы с гендерной дискриминацией и гендерным насилием: правовое регулирование в Кыргызской Республике, проблемы и пути решения / З.А. Куланбаева, Ж.Т. Мурзабекова, С.К. Насбекова [и др.] // Вестник КРСУ. 2023. Т. 23. № 3. URL: <http://vestnik.krsu.edu.kg/archive/187/7631> (дата обращения: 26.08.2025).
14. Закон Кыргызской Республики “О внесении изменений и дополнений в Семейный кодекс Кыргызской Республики” от 17 мая 2012 года № 54. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/203654/edition/453127/ru> (дата обращения: 15.08.2025).
15. Трудовой кодекс Кыргызской Республики от 23 января 2025 года № 23. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-45/edition/25298/ru> (дата обращения: 15.08.2025).
16. Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 9 ноября 2023 г. URL: <https://constsof.kg/wp-content/uploads/2023/11/peresmotr-resheniya-po-matchestvu-1.pdf> (дата обращения: 14.11.2024).
17. Ильина О.Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения / О.Ю. Ильина // Lex Russica. 2024. № 12 (217). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-izmeneniya-semeynogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-i-praktiki> (дата обращения: 17.08.2025).
18. Левушкин А.Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств-участников Содружества Независимых Государств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.Н. Левушкин. М., 2013. URL: <https://www.dissercat.com/content/teoreticheskaya-model-postroeniya-sistemy-semeinogo-zakonodatelstva-rossiiskoi-federatsii-i-> (дата обращения: 17.08.2025).
19. Петрова Н.Д. Проявление кризиса брачно-семейных институтов через тенденции развития семейного права в постиндустриальном обществе: история и современность / Н.Д. Петрова // Вестник МГПУ. Серия: юридические науки. 2025. № 1(57). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80539856> (дата обращения: 24.08.2025).